МАРТЫНОВ Леонид Николаевич родился 9 (22) мая 1905 года в Омске в семье гидротехника путей сообщения Николая Ивановича Мартынова и дочери военного инженера-кантониста, учительницы Марии Григорьевны Збарской. Дебютировал в печати в 1921 году заметками в омских газетах «Сигнал», «Гудок», «Рабочий путь». Первые стихотворения были напечатаны в сборнике «Футуристы», изданном в походной типографии агитпарохода «III Интернационал». Входил в футуристическую литературно-художественную группу «Червонная тройка» (1921–1922), куда входили также В. Уфимцев, В.Я. Шебалин и Н.А. Мамонтов. Став в 1924 году разъездным корреспондентом газеты «Советская Сибирь» (Новониколаевск), Мартынов объездил всю Западную Сибирь и Казахстан. Участвовал в геологических экспедициях. В 1927 году редактор «Звезды» Н.С. Тихонов напечатал стихотворение «Корреспондент» — первая публикация за пределами Сибири. В 1930 году в Москве вышла первая книга Мартынова — очерки о Прииртышье, Алтае и Казахстане «Грубый корм, или Осеннее путешествие по Иртышу» (Москва, «Федерация», 1930). В 1932 году сдал в редакцию «Молодой гвардии» книгу «новелл о любви и ненависти в годы начала социалистической перестройки», которую так и не напечатали и которая считается ныне пропавшей. В 1932 году был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и осуждён по делу так называемой «Сибирской бригады» по статье 58/10 УК РСФСР к высылке на три года в Северный край. (Реабилитирован прокуратурой СССР 17 апреля 1989 года посмертно). Административную ссылку провёл в Вологде, где жил с 1932 по 1935 год. Работал в местной газете «Красный Север», где и встретился с будущей женой, Ниной Поповой. После ссылки они вдвоём вернулись в Омск.

В 1939 году к Мартынову пришла литературная известность: вышла книга «Стихи и поэмы» (Омск, 1939). Поэмы с исторической сибирской тематикой заметил и оценил К.М. Симонов в рецензии «Три поэмы» («Литературная газета», июль 1939). На следующий год вышли исторический очерк об Омске «Крепость на Оми» и книги «Поэмы» (вышли одновременно в Москве и Омске).

В 1942 году благодаря хлопотам писателя А. Калинченко был принят в СП СССР. В 1943 году К.М. Симонов предложил своё место фронтового корреспондента в «Красной Звезде». Мартынов вернулся в Омск «за вещами», но был тут же призван в армию, в Омское пехотное училище. По состоянию здоровья был освобождён от военной службы, и служил как литератор — писал историю училища.

Сборник «Лукоморье», «зарезанный» А.А. Фадеевым, усилиями нового председателя Союза писателей СССР Н.С. Тихонова вышел в 1945 году. В феврале 1946 года Л.Н. Мартынов переехал в Москву. В декабре 1946 года в «Литературной газете» вышла разгромная статья В.М. Инбер о книге стихов «Эрцинский лес» (Омск, 1946). После резкой критики и «проработки» в Москве, Омске и Новосибирске тираж книги был уничтожен, и доступ к печати закрылся на девять лет. Всё это время поэт писал «в стол» и зарабатывал переводами. За переводческую деятельность награждён правительством Венгрии орденами «Серебряный Крест» (1949), «Золотая Звезда» (1964) и «Серебряная Звезда» (1970).

Первая книга после вынужденного простоя вышла в 1955 году — книга «Стихи» была «первым поэтическим бестселлером» после войны, сразу стала редкостью; в 1957 году она была переиздана. После этого Мартынова стали печатать так часто, что Ахматова по этому поводу с неудовольствием заметила, что «поэту вредно часто печататься».

В августе 1979 года умерла жена Нина, а 21 июня 1980 года — и сам поэт. Похоронен в Москве на Востряковском кладбище (участок 19). Незадолго до смерти заключил брак с Галиной Алексеевной Суховой (3 апреля 1925, Москва — 22 января 2016, Москва). Г.А. Сухова-Мартынова посвятила себя работе с архивами поэта и изданию новых книг, и до последнего дня занималась архивом мужа.

Народ–победитель

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солоны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В Зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы…
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин…

1945

Летописец

Где книги наши?
Я отвечу:
— Они во мгле библиотек.
Но с тихой вкрадчивою речью
Подходит этот человек:
— Идемте!
— А куда зовете? Вы кто?
— Я сельский букинист.
Я дам вам книгу в переплете
Из серебра, где каждый лист
То ал, то бел, то желт, то розов,
То дымчат, как полдневный зной,
То ледянист, как от морозов…
Идемте! Следуйте за мной!
— Но почему в пустую ригу
Меня вы молча завели?
— Терпенье! Золотую книгу
Я выдам вам из-под земли!
Какие-то берет он колья,
Какой-то шест, вернее — цеп,
И отмыкает вход в подполье,
Напоминающее склеп.
Здесь веники, и расстегаи,
И душегреи, и пимы,
Но вот и статуя нагая
Выглядывает изо тьмы.
— Вот, разбирайтесь!..—
Тишь, прохлада.
Со щами кислыми ушат…
О да! Здесь нечто вроде склада,
И в этом складе — прямо клад!
Да, это мудрость! Но источник
Сей мудрости необъясним:
Я вижу — Даниил Заточник

И Ванька-ключник рядом с ним…
Здесь книги есть для разных вкусов
На полке этой и на той:
Для коневодов — князь Урусов,
Для сердцеведов — граф Толстой.
Волюмы, рукописи, свитки…
Чего-чего тут только нет!
Через оконце жидкий, жидкий,
Трепещущий ложится свет.
Но вот та книга в переплете,
Он о которой говорил.
Действительно, вся в позолоте,
В пыльце, как с бабочкиных крыл.
Читать я начинаю тотчас,
С рисунков не спуская глаз,
Внимательно, сосредоточась…
Прошли минуты или час?
Нет! Дни огромней, чем комбайны,
Плывут оттуда, издали,
Где открывается бескрайный
Простор родной моей земли,
Где полдни азиатски жарки,
Полыни шелест прян и сух,
А на лугах, в цвету боярки,
Поярки пляшут и доярки,
Когда в дуду дудит пастух.
— Вы продаете эту книгу? —
Я говорю…
Но где же он?
Его уж нет.
Пустую ригу
Я обхожу со всех сторон.
На дворике светло и чисто.
Порхают бабочки в саду…
Вы не встречали букиниста?
Я где теперь его найду?!

* * *

Одни стихи
Приходят за другими,
И кажется,
Одни других не хуже:
Иные появляются нагими.
Другие — сразу же во всеоружье…
Одни стихи — высокие, как тополь,—
Внушают сразу мысль об исполинах,
Другие — осыпаются, как опаль,
Сорвавшаяся с веток тополиных.
Одни стихи — как будто лось с рогами, —
Ах, удалось! — встают во всем величье,
Другие зашуршали под ногами
Охотника, вспугнувшего добычу.
И хорошо:
Лось жив-здоров, пасется,
И ничего дурного не стрясется!

Земля

Одно
Волнение
Уляжется —
Другое сразу же готовится,
А мир еще прекрасней кажется;
Еще желаннее становится

Земля,
Укатанная гладкими
Посадочными площадками,
Увешанная виадуками,
Источенная водостоками,
Набитая золой и туками,
Насквозь пронизанная токами…
А там, вдали,—
Вчера пустынная,
Земля целинная, былинная,
Забытая и вновь открытая,
Степными ливнями омытая,
Нигде как будто не кончается…
Над ней
Заря с зарей встречается.
Вот этим месяц май и славится
И соловьями славословится.
Земля, великая красавица,
Еще прекраснее становится!

Костёр

Чего только не копится
В карманах пиджака
За целые века…
А лето, печь не топится…
Беда не велика,
Беда не велика.
И я за Перепелкино,
Туда за Перепалкино,
За Елкино, за Палкино,
За Колкино-Иголкино
Помчусь в сосновый бор
И разведу костер.
И выверну карманы я,
И выброшу в костер,
Все бренное, обманное —
Обрывки, клочья, сор.
И сам тут ринусь в пламень я,
Но смерти не хочу,
А попросту ногами я
Весь пепел растопчу.
Пусть вьется он и кружится,
Пока не сгинет с глаз.
Вот только б удосужиться,
Собраться как-то раз.